

ЧЕЛОВЕК — ЭТО СТИЛЬ

28 ноября 2006 года исполняется 100 лет со дня рождения Дмитрия Сергеевича Лихачева. До этой даты он не дожил 7 лет. Его имя, жизнь и творчество, как и каждого великого человека своего времени, по праву принадлежит не только России,

но и всему миру. Но нам он дорог еще и как знаменитый земляк. Многие в его судьбе связано с Репино, Комарово, Зеленогорском

Говорят: долголетие — дар Божий. Но дары Божьи часто тяжелы и ответственны. Что же сказать о жизни, которая открыла собой почти весь XX век? О жизни, начавшейся в ослепительном Серебряном веке русской культуры и завершившейся в последний год XX века в городе, снова обретшем свое первое имя — Санкт-Петербург. Говорят: человек — это стиль. Дмитрий Лихачев в сознании людей навсегда останется петербургским интеллигентом, всем своим обликом этот стиль воплотившим. Телевидение закрепило этот образ в сознании зрителей, время отлакировало. Возник памятник. И тихий голос академика с его безупречным петербургским произношением, четкой дикцией, весь его воспитанный и обаятельный образ для современного зрителя и слушателя может показаться чистым анахронизмом — чем-то идеальным и недостижимым. И возникает вопрос: а стоит ли достигать? Какое отношение к современной жесткой жизни, ее динамизму и обнаженности имеет этот человек, кабинетный ученый, занимавшийся изучением памятников Древней Руси, для большинства современных читателей столь же актуальной, как шумерские рукописи?

Дмитрий Лихачев — петербуржец. Он говорил о Петербурге: «Город трагической красоты». Так уж повелось, что все, кто здесь родился или долго жил, несут на себе отпечаток этого города, его странной судьбы, его переменчивой погоды, его пронзительной красоты, одновременно торжественной и щемящей. У Лихачева очень петербургское лицо — тонкое, породистое, печальное. В молодости его прозвали «молодой Блок» за сходство с поэтом Александром Блоком. По воле странных сближений судьбы Лихачев родился в один день с Блоком, но на 26 лет позже. Когда Блок умер, Мите Лихачеву было 15 лет. Если правда, что родина человека — его детство, то многое в Лихачеве становится понятно, когда читаешь его воспоминания о детстве, с любовью воскрешающие счастливые картины жизни обеспеченной интеллигентной петербургской семьи, с обязательными походами в Мариинский театр на балеты, летним отдыхом в Куоккале и Келломяках, чтением книг с золотым обрезом; когда смотришь на его детские фотографии, где он в матросском костюмчике так похож на царевича Алексея, видишь красивые и строгие лица его родных. Это была ясная, достойная, богобоязненная жизнь, рассчитанная на долгие годы. Род Лихачевых происходил из солигаличских купцов, еще его прапрадед получил звание потомственного почетного гражданина Санкт-Петербурга, которое его праправнук просто повторил. В семье были очень сильные старообрядческие традиции. Мужчины в роду Лихачевых отличались строгим нравом, религиоз-

ностью и склонностью к точным знаниям. Братья Дмитрия Лихачева — Михаил и Юрий — стали инженерами, как и их отец. Но для Дмитрия Сергеевича судьба предназначила совсем иную стезю. Зинаида Курбатова, внучка Лихачева, вспоминает: «Вся его жизнь была посвящена одной цели, причем с ранней юности. Когда я спрашивала у деда, почему он занялся древнерусской литературой, дед рассказывал такую историю. Еще до «несчастья» (так академик окрестил события 1917 года — прим. ред.) Митя Лихачев нарисовал для родителей открытку-поздравление с Рождеством. Почему-то он изобразил не привычных снеговиков и елки, но Богородицу с младенцем — древнерусскую икону. Над Митей смеялись, он же был твердо уверен, что нарисовать нужно было именно так. ... Дедушка Митя отличался от всех родственников, как будто еще до рождения был запланирован для чего-то более важного и прекрасно понимал свое предназначение. Эту дедушкину исключительность всегда понимала и я, с раннего детства».

Нарушив семейную традицию, Дмитрий Лихачев поступил в Ленинградский университет на гуманитарный факультет в 1923 году. Это было время, когда гуманитарные науки в университете вел состав замечательных профессоров, о которых Лихачев вспоминает с огромной благодарностью. Но это же было время красного террора, перевернувшего жизнь страны и определившего главное ощущение будущей эпохи — Страх. Лихачев вспоминает: «С каждым годом моей юности я ощущал надвигающийся гчилостный дух, убивавший удивительную животворную силу, исходившую от старшего поколе-

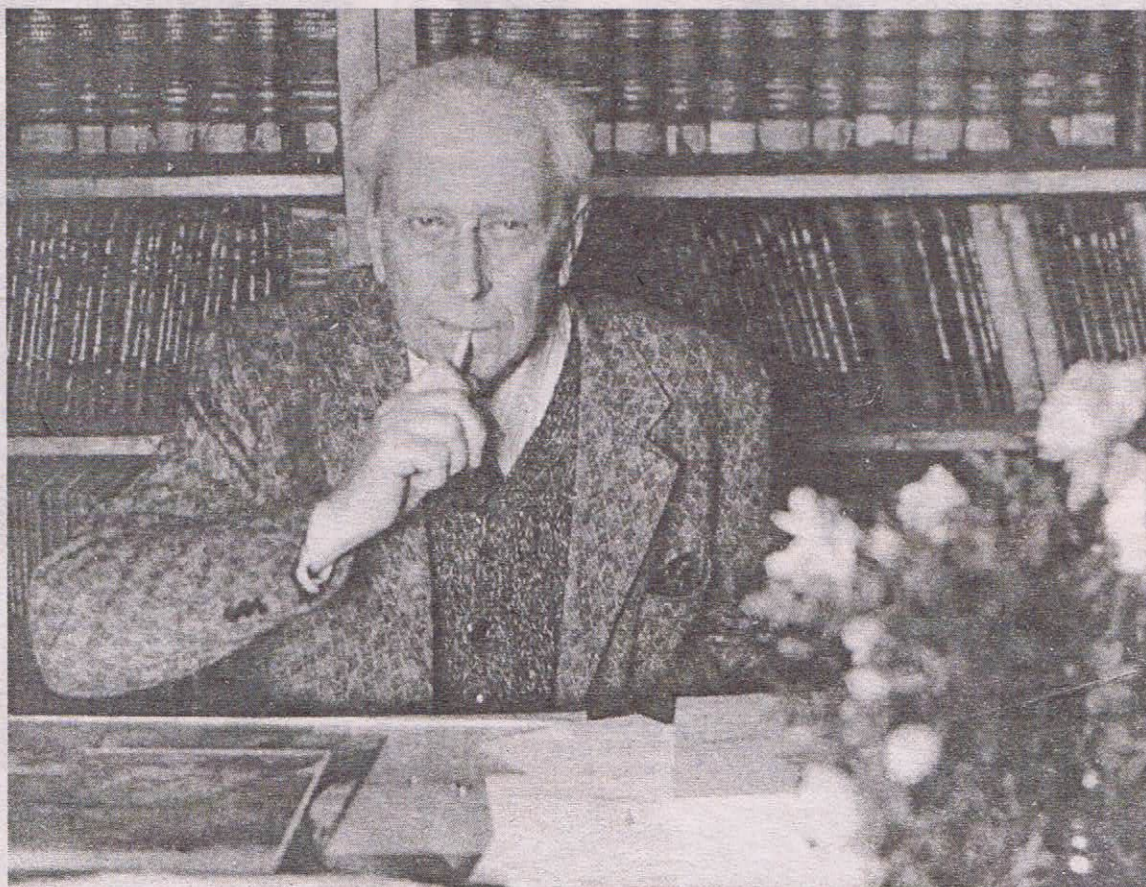
ния русской интеллигенции. ... Молодость всегда вспоминаешь добром. Но есть у меня ... нечто, что вспоминать больно, что жалит мою память и что было самым тяжелым в мои молодые годы. Это разрушение России и русской церкви, происшедшее на наших глазах с убийственной жестокостью и не оставлявшее, казалось, никаких надежд на возрождение. ... Чем шире развивались гонения на церковь и чем многочисленнее становились расстрелы на «Гороховой два», в Петропавловке, на Крестовском острове, в Стрельне и т.д., тем острее ощущалась всеми нами жалость к погибающей России. Наша любовь к Родине меньше всего походила на гордость Родиной, ее победами и завоеваниями. Сейчас это многим трудно понять. Мы не пели патриотических песен, — мы плакали и молились. И с этим чувством жалости и печали я стал заниматься в университете с 1923 г. древней русской литературой и древнерусским искусством. Я хотел удерживать в памяти Россию, как хотят удерживать в памяти образ умирающей матери ... рассказать о величии ее мученической жизни».

В феврале 1928 года (Лихачеву — 21 год) он был арестован за доклад о старой орфографии на заседании студенческого кружка. Так Дмитрий Лихачев попал в концлагерь. Скупая строчка в справочнике «Кто есть кто в Санкт-Петербурге»: «1928-32 гг. — Соловецкий и Беломоро-Балтийский лагеря». За этой строчкой — история человека, совсем еще молодого, прошедшего ад и сохранившего себя. Более того, без понимания того, что пережил на Соловках Дмитрий Лихачев, наверно, непонятна и его последующая жизнь. В ноябре 1929 года на свидание в Соловецкий лагерь к Лихачеву приехали родители. И 28-го ноября, то есть в его день рождения, ему сообщили, что за ним «приходили». На лагерном языке это означало: расстрел. Лихачев пишет в «Воспоминаниях»: «Выйдя на двор, я решил не возвращаться к родителям, пошел на дровяной двор и запихнулся между поленицами. ... Что я натерпелся там, слыша выстрелы расстрелов и глядя на звезды неба (больше ничего я не видел всю ночь)! С этой страшной ночи во мне произошел переворот. Не скажу, что всё наступило сразу. Переворот совершался в течение ближайших суток и укреплялся всё больше. Ночь — была только толчком. Я понял следующее: каждый день — подарок Бога. Мне нужно жить настоящим днем, быть довольным тем, что я живу еще лишней день. И быть благодарным за каждый день. Поэтому не надо бояться ничего на свете». В каком-то смысле этой ночью Дмитрий Лихачев «пережил свою смерть». С этим чувством подаренной жизни и чувством вины за чью-то погубленную

вместо него жизнь (расстреливали определенное количество людей) Лихачев будет жить, осознавая каждый день как ответственность перед Провидением, что для него, верующего, являлось очень важным. Судьба тяжело испытывала его, но хранила. Он мог умереть от тифа в лагере, от голода во время блокады, от заражения крови после войны, не считая других поразительных случаев, когда он был на грани, но буквально чудом пронесило. Этот удивительный человек поражал, например, тем, что, открывая входную дверь на звонок, никогда не спрашивал, кто за дверью. Его убеждали поставить хотя бы дверной глазок. Он пожимал плечами. Он был верующим и считал, что не только литература строится по законам жизни, но и жизнь по законам литературы. Он был убежденным идеалистом и помнил, что «в начале было Слово». Он понимал слово как поступок. И старался жить так, чтобы его слова не расходились с делами. В пору всеобщего двоедушия такое поведение поразило.

История жизни академика Лихачева напоминает процесс превращения угля в алмаз. Он был, безусловно, сильным человеком, но все-таки человеком. И жил в сложнейшую эпоху, которая требовала компромиссов, на которые нужно было идти, спасая дело или людей, делая порой непростой выбор. Он не был диссидентом, не противостоял режиму открыто, но постарался создать в Пушкинском Доме в своем древнерусском отделе некий оазис нравственной жизни, сам тщательно отбирая людей и защищая их как собственную семью. Недаром своим сотрудником он говорил: «Вы не понимаете, что живете на острове». Своим обликом и стилем отношения к жизни он давал пример, которому старались следовать. За отказ подписать письмо против академика Сахарова он был избит на лестнице собственного дома, его квартиру пытались поджечь, за ним следили, его телефоны прослушивались. Его характер старались сломать, подчинить. Но верный главному в себе, он становился только крепче. Он не сдавался даже старости, пересиливая себя, никогда не жаловался, оставаясь всегда подтянутым, элегантно, открытым жизни, сохраняя что-то неистребимо молодое в том интересе ко всему новому, что происходило вокруг. Когда при Горбачеве он получил возможность выйти к телевизионной аудитории, он использовал ее для того, чтобы говорить о культуре. Он ввел понятие «экология культуры». Он понимал, что без культурного багажа человек превращается в животное и страна не имеет будущего. Феномен Лихачева заключается еще и в том, что телепередачи с его выступлениями люди смотрели с восторгом.

Окончание читайте на стр. 7

ЧЕЛОВЕК — ЭТО СТИЛЬ

Окончание.

Начало читайте на стр.5

Благородный облик академика, его воспитанность, умение просто и интересно говорить о сложных вещах, его обаяние завораживали. Люди вдруг поняли, что старость может быть прекрасной, что итог жизни человека читается на его лице и человек отвечает за свое лицо. Что сила духа, нравственное здоровье, оптимизм и благодарность жизни — не пустые слова. Академик Лихачев поднял в глазах людей ценность нравственной жизни. В августе 91-го года Лихачев был на Дворцовой площади, хотя мог бы от этого уклониться, сославшись на возраст. Лихачев не обольщался по поводу грядущих перемен. Он понимал опасность соблазна бесконтрольной свободы для общества, выпавшего из тоталитарной системы. Но он ненавидел ложь прежней жизни, понимал необходимость восстановления прерванной связи времен, возвращения России в систему евро-

пейской культуры, с которой Россия связана религиозно и исторически. Он верил, что ответственность свободы заставит страну повзрослеть, просто нужно время.

Недаром в своих книгах, посвященных культуре России, он оставил так много идей, требующих дальнейшего развития. Он смотрел в будущее, он верил, что идеал духовного потенциала Древней Руси, которым жили наши предки, не иссяк, выручал страну в самые тяжелые времена, выручит и в наше смутное время. Миропонимание академика Лихачева было основано на любви ко всему сущему. Неудивительно, что и его окружала любовь. Он умер 30 сентября 1999 года в день Веры, Надежды, Любви и матери их Софии (т.е. Мудрости). В Таврическом дворце, где проходило прощание, люди шли бесконечной чередой, чтобы поклониться ему. Отпевали его в Князь-Владимирском соборе, и всю ночь над ним читали Псалтырь его молодые соотруд-

ники. На отпевании было огромное количество народа, как и на похоронах в поселке Комарово. Каждый год в день его рождения и в день кончины любившие его люди приезжают на могилу, чтобы вспомнить о нем. Всегда соединявший людей, он продолжает их связывать самыми бескорыстными узами — узами любви и гармонии, столь свойственными ему самому при жизни. Его собственная жизнь, переплетаясь со временем, стала тем, что зовется Судьбой, то есть выполнением предназначения, замысла Провидения о человеке. Поэтому такой большой вес имеет то, что оставил нам Лихачев в качестве завещания — его книги, опыт трудной, но и счастливой жизни. Он в высшей степени обладал «чувством пути», т.е. пониманием, что каждая человеческая жизнь не случайна, имеет смысл и выбор, который человек совершает ежечасно, вопреки всем превратностям судьбы, его испытующей.

Ирина Снеговая